

\* \* \*

Стихи всегда являются как музыка –  
С пастушьей лирой муза неразлучна.  
Словесный смысл ей, право, вроде грузика –  
Не тяжело, но дешёво и скучно...  
И, как трава на пике снеготаянья,  
Когда любая мысль к теплу влекома,  
Такое ли растёт из бормотания  
Под равномерный стрёкот метронома...  
Так – на заре творенья – в час создания  
Цветут цветы и вызревают зёрна,  
Так гроздь гнева следуют рыданию –  
И воплям предаваться не зазорно...  
Так из всего последнего, никчёмного –  
Нечаянной игры метаморфоза –  
Растёт сознание высшего, огромного,  
Божественного!  
Остальное – проза.

\* \* \*

Мой свиристельный декабрь, снегириный, синичий, седой,  
Корм разбросавший для птиц по заснеженным кронам,  
Сладко мне спать под просторной твоей бородой,  
Горько проснуться под гнётом, тобою дарёным...  
Птичьей симфонией память мою вороша,  
Сумерки жизни встречаются с вечером года –  
Так, из-под гнёта привстав, уповает душа  
На неизбежность зари, обнимающей край небосвода.

\* \* \*

Линованной бумаги поперёк,  
С трагической усмешкой между строк –  
И вопреки всеобщему движенью...  
Кто был неодолимо одинок –  
Теперь трубит в свой самодельный рог  
И призывает пращуров к отмщенью.

\* \* \*

*Вадиму*

И то, как мы сидели при свечах,  
И то, как говорили и молчали,  
И то, как в наших пламенных речах  
Сквозило столько боли и печали,  
И то, как ты смотрел, как будто знал,  
Что я давно сказать тебе хотела...  
Слова – метались, и огонь мерцал,  
Как будто отделяя дух от тела...  
Расталкивался древний материк  
На дальние друг другу части суши –  
И, превращая в песню долгий крик,  
Тонули в небе их родные души...

Всё было зря – и всё было не зря.  
Встаёт над миром чёрная заря.  
Земля вдыхает испаренья зверя.  
Но одинокий обретает строй –  
И восстаёт, как туча над горой,  
Отбросив страх, и безоглядно веря.

Там, в этой туче, молнии парят.  
Там аромат – и нестерпимый смрад.  
Там все единым духом одержимы.  
И ты, непокорённая душа,  
Геройствуя со всеми и греша, –  
В режиме распрямившейся пружины...

Но будет час, когда отпустит бой...  
И, приподнявшись над самим собой  
И оглядевшись над кровавым полем,  
Услышишь в пустоте утробный вой –  
И тот, кто там обнимется с тобой,  
В ответ на имя скажет имя: ГОЛЕМ.

\* \* \*

Кто только февраль не оплакал  
И слякоть его не воспел!..  
А здесь, словно глянцевым лаком  
Округа покрыта... и лаком  
Случайного крова удел.  
Пьём чай и душистую сушкой  
Хрустим, а за окнами – синь...  
На сердце – холодной лягушкой  
Февральская лютая стынь...  
Но в мареве страшных рассказов –  
Весны несмываемый знак:  
Грачей поджидает Саврасов  
И плачет навзрыд Пастернак...

\* \* \*

*На мировом погосте  
Звучат лишь письма...*  
И. А. Бунин

Без прочных пирамид, без обожжённой глины,  
Без дедовских камней, хранящих письма,  
Мы сгинем, как туман... И мёртвые руины  
Не возвестят векам родные имена.

Под сетью мировой – Россия или Штаты,  
Китай или Алжир – всё цифра, всё обман...  
Сигают в небеса бездомные пенаты  
На огненных шарах божественных виман...

Мы сгинем без следа – в ничтожестве и мраке.  
Без нас Земля вздохнёт, и снова хлынет свет...  
Прекрасный новый мир наследуют собаки,  
И, может быть, коты... На сотни тысяч лет!

\* \* \*

*Не бывает напрасным прекрасное...*  
ЮМ

Не бывает поэтов ни крупных, ни мелких.  
Есть поэты – и прочий трудящийся люд.  
Гений теплится даже в дешёвых поделках,  
Что с базарных лотков, как горшки, продают.

Не бывало и нету поэзии женской,  
У Поэта – ни женской судьбы, ни мужской.  
Есть стяжающий истину голос вселенский –  
И принявший послание вестник мирской.

Он идёт – как дитя – среди грязи и крови,  
То грозя, то рыдая, то тихо смеясь...  
И, сухие коросты слезою буровя,  
Наши души врачует словесная вязь...

Что за дело вам, люди, – он бел или чёрен,  
Слово мужа при нём или речи жены,  
Если вдох – исцеляет, а выдох – просторен,  
Как просторны Вселенной высокие сны?